

Д.Г. Кукеев

МИНСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ВОЙНЫ И ВОЗВЫШЕНИЕ ОЙРАТОВ

В 1368 г. первый минский император Чжу Юаньчжан основал новую династию в Китае, а прежний юаньский император Тогус Темур ушел в Шанду (Верхняя столица) и назвал свою династию Бэй Юань, что значит Северная Юань. Таким образом, несмотря на то что в 1368 г. правление монгольской династии в Китае завершилось, однако она продолжила свое существование на территории собственно Монголии, которая превратилась в самостоятельный политический и экономический организм. В период правления династии Бэй Юань, которая была охарактеризована конфронтацией между монгольским ханским домом и новой династией Мин, все восточные монголы боролись за гегемонию, и существовала ситуация, в которой были непрекращающиеся междоусобия внутри монгольской среды [1]. Утратив Китай, юаньские ханы стали думать о присоединении к оставшимся у них владениям от Великой стены населенной монголами территории к западу от р. Цзабхан, пользуясь тем обстоятельством, что внимание Тимура было отвлечено войнами на западе, где он стремился завладеть землями, входившими в состав Хулагуидов. Но у населения Западной Монголии они встретили самый энергичный отпор [2]. Это вполне логично: юаньские императоры почти ничего не сделали для развития производительных сил Монголии и поэтому, вернувшись на родину, столкнулись с примитивным хозяйством и сопротивлением местных правителей. В сложившейся обстановке не было удивительным недовольство местной правящей верхушки, рассматривавшей потомков юаньских императоров как своих конкурентов. В дальнейшем же ситуация станет такой, в которой сам верховный хан, не всегда имевший достаточно сил для того, чтобы защищать свою власть и соответственно зависевший от местных князей и нуждавшийся в их поддержке, перестанет отличаться во всех отношениях от других представителей местной власти. Еще одной особенностью являлось то, что всемонгольский хан являлся чингисидом по династии Хубилая, тогда как местные чингисиды являлись по большей части потомками Ариг-Буки. Ойраты же, в свою очередь, воспользуются благоприятными для них обстоятельствами, и организуют независимый политический

союз, и тем самым выйдут на историческую арену. В минской династии монголы и ойраты того времени именовались как «дадань» и «вала». «Вала» именовались ойраты, находившиеся в северной части пустыни Гоби, а «дадань» — собственно монголы, находившиеся под властью потомков юаньской династии. Монгольские источники делят монголов на «сорок монголов» и «четыре ойрата» [3].

Говоря об экономическом положении населения Монголии на тот момент, когда юаньские монголы прибыли из Китая, следует отметить, что она была удручающей. «Монголы, вернувшиеся в свои степи и горы, оказались в более изолированном положении, чем в дочингисхановскую эпоху. Конечно, подобное состояние должно было всесторонне сказаться на их хозяйстве. Как ни скудны наши сведения, они все-таки позволяют нам констатировать, что торговля с культурными странами вначале почти совсем пресеклась. Торговые пути заглохли, прекратились поездки купцов. Точно также исчезли бывшие поселения мастеров и земледельцев. Место торговли занял грабеж. Монголы грабили друг друга, грабили и своих соседей, кочевых и оседлых. Грабительские набеги сделались настоящим промыслом» [4]. Точная численность ойратского населения неизвестна. Но известна приблизительная оценка численности населения всей Монголии за период правления династии Юань до последней четверти XIV в. Ее дает монгольский исследователь Ч. Далай, который считает: «Основываясь на сообщениях монгольских летописей о “четырех туменах ойратов” и “сорока туменах монголов”, а также сопоставляя различные сообщения о численности семей, находившихся на службе у великих ханов и князей, а также о численности почтовых служителей, можно сделать вывод о том, что во второй половине XIII и в XIV вв. население Монголии составляло приблизительно 2 млн» [5]. Итак, нам становится известно, что по мере роста хозяйственной и политической самостоятельности княжеств Монголии реальная власть и авторитет верховного хана Монголии среди местных князей стали ослабевать, а трон всемонгольского хана превратился в объект бесконечной борьбы между различными соперничавшими друг с другом группировками князей. Не приходится сомневаться в общем разложении института ханской власти в монгольских степях. Вассалы выходили из повиновения своим сюзеренам и, руководствуясь собственными интересами, начинали проводить самостоятельную политику. В сложившейся обстановке возникают открытые выступления ойратских правителей против власти восточномонгольских ханов-чингисидов.

Монгольские летописцы сообщают, что причиной конфликта была женщина:

«О том, как ойраты отняли престол у монголов.

В год собаки (1394) на престол воссел Эльбек-хан. Однажды на об-
лаве он увидел на снегу кровь убитого зайца, спросил: “Есть ли такая
женщина, белизна которой была бы как снег, а ланиты как эта кровь?”.
Ойратский Тафу-Хутхай отвечал на это: “Как же, есть такая”. “Кто та-
кая? Нельзя ли видеть ее?” — “Если вы действительно желаете видеть
ее, так скажу: это твоя невестка Ульдзэту-Гуа, жена твоего сына Хугур-
цак-Дугурэнг-хунтайдзы”. Прельстясь красотой своей невестки, Эль-
бэк-хан сказал Хутхэй-Тафу: “О, показывающий то, чего не видел, со-
единяющий то, что далеко, удовлетворяющий жажде желаний, ты, мой
Тафу, ступай!”. Он передал Бэгэдзи слова хана в следующем виде: “Он
меня послал, желая взглянуть на Вашу красоту”. Бэгэдзи разгневалась и
отвечала: “Можно ли земле соединиться с небом, можно ли хану взять
свою невестку? Пусть увидит его сын, Дэгуренг-Тумэр, что хан, его
отец, уподобился черной собаке”. Не внимая словам невестки, хан убил
своего сына и взял ее себе.

После этого Тафу пришел просить хана о награждении его титулом
даруги: но так как хана не было, то и сидел он перед домом. В это время
Хуг-Бэгэдзи послала к нему посла и просила зайти к ней, и вместе с да-
рами подождать у нее хана. Тафу явился. Бэгэдзи поднесла чашу (с ви-
ном) со следующими словами: “Ты мою неважную особу сделал важ-
ной, мое малое тело сделал великим, имя Бэгэдзи сделал Тайху
(императрицей)”. Потом взяла объемистую кожаную посуду, разделен-
ную на две половины, в одну налила воды, а в другую крепкого вина;
сама пила воду, а крепким вином поила Тафу до упаду. Потом в спаль-
ной юрте постлала ковры, положила подушки, завесила занавесками
и на этой кровати уложила Тафу. Растрепав волосы свои и расцарапав
лицо свое, послала за ханом. Прежде чем приехал хан, Тафу успел бе-
жать. Хан погнался за ним в погоню и в этой схватке у хана был отстре-
лен мизинец. Убивши Тафу, хан приказал сутскому Джамин-Тайфу вы-
резать ремень из спины убитого, и послал своей жене. Смешав кровь
хана с жиром Тафу, она облизывала приговаривая: “Кровь хана, убивше-
го своего сына, жир бывшего причиной смерти моего господина, доста-
лись мне в подарок, вот успех — мщение женщины! Умирать мне все
равно”. Хотя хан узнал о негодовании Бэгэдзи, но, сознавая свою вину,
ничего не говорил ей об этом. Сыновьям Тафу, Батула-Джинсангу и Угу-
чи-Хашигу, было поручено ханом начальство над 40 тыс. (ойратов).

Они в год змеи, на 6-м году ханствования Эльбэк-хана, убили его,
взяли 40 тысяч ойратов и, отделившись, сделались непримиримым вра-
гами. Таким образом, власть от монголов перешла к Ойратам» [6].

Событие, когда власть от монголов перешла к ойратам, большинство исследователей относит к 1399 г. Оно является знаменательной вехой в эпохе раздробленности Монголии, и ее открыли ойратские правители. Именно с этого момента и происходит возвышение ойратов в монгольской среде. Вот что писал об этом видный советский историк-монголист И.Я. Златкин: «Опираясь на экономическую мощь своих владений, довольно значительные военные силы, относительную сплоченность ойратского общества, они первыми в Монголии противопоставили себя центральной ханской власти и повели самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, не считаясь с интересами и планами общемонгольских правителей — прямых потомков Чингиса. Первая половина XV в. характеризуется, с одной стороны, усилением разброда в Восточной Монголии, с другой — ростом сил ойратских феодалов и их политической консолидацией. На этой основе возникла и стала крепнуть тенденция к установлению их гегемонии во всей Монголии, к переходу государственной власти в их руки» [7].

По данным «Мин ши», «после падения династии Юань их ойратский сильный сановник Мэн-кэ-гэ-му-эр (Менкэ-Тимур) овладел ими. После его смерти народ разделился на три части: одной владел Ма-хаму (Махмуд), второй — Тай-пин, третьей — Ба-ту-бо-ло (Бату-болот)» [8]. Как видно, самым первым ойратским правителем в китайских источниках упоминается Менкэ-Тимур, который, вероятно, был военачальником на службе у последнего юаньского хагана. Определение той или иной личности в китайских источниках представляет собой особую трудность, что и порождает множество версий при соотнесении одной исторической личности в китайских и монгольских летописях. В исторической науке личность Менкэ-Тимура отождествляется с Угэчи-хашигой [9]. Как видно, после смерти Менкэ-Тимура его владения были поделены между тремя его преемниками, главным из которых был, наверное, Махмуд [10]. Они являлись наследственными правителями крупных ойратских племенных объединений. Главный из них носил титул тайши и назначался верховным ханом Монголии из числа знатных ойратских правителей. У ойратов, как и у монголов, существовало традиционное деление на два крыла: правое (барун гар) и левое (зюн гар), которыми управляли подчинившиеся ойратскому тайши чинсанги правого и левого крыла [11]. Более точные сведения об административной организации у ойратов того времени отсутствуют. Однако известно, что во главе кочевых владений, каковыми являлись улусы ойратов, стояли наследственные правители — «эзэны» («владельцы»), носившие знатные титулы китайского происхождения. Среди монгольской и ойратской

знати все также были распространены такие титулы, как тайши (кит. «тай-ши» — «великий наставник»), чинсанг (кит. «чэн-сян» — «министр»), зайсанг (кит. «цзай-сян» — «первый министр», «канцлер»), дайбу (кит. «тайфу» — «великий муж»), дайу (кит. «тайвэй» — «правитель столичной области») и др. Эти титулы ранее являлись названиями высших чиновничьих должностей либо титулами важных сановников при юаньском дворе [12]. В монгольской и ойратской среде эта традиция продолжалась, и эти титулы жаловались всемонгольским ханом монгольским и ойратским владетельным князьям, не состоявшим в родстве по мужской линии с правящим домом чингисидов. Несмотря на влияние китайской культуры, все же употребление исконно монгольских терминов продолжало существовать. Например, только князья-чингисиды сохраняли у себя традиционный высший титул — «хан», а супруга хана называлась «хатун». Касательно князей-нечингисидов, то, как считает Б.Я. Владимирцов, «очень часто они величались также старинными монгольскими прозваниями: Багатур — “герой, богатырь”, мэргэн — “меткий стрелец”, сэцэн — “мудрый, вещий”, орлек — “визязь, герой”» [13].

При определении Ма-ха-му в китайских источниках в исторической науке нет сомнения, что это Батула-чинсанг монгольских летописей. Практически все исследователи истории ойратов и монголов признают это на основании того, что сыном Батулы-чинсанга был Тогон, как и китайские источники указывают на то, что сыном Ма-ха-му был Тогон [14]. В отличие от его сына Тогона и внука Эсэна о Махмуде очень мало сведений. В.П. Санчилов на основании родословных знатных ойратских родов, приведенных в «Илэтхэл шастир», считает, что Махмуд принадлежал к аристократическому роду «чорос», из которого вышли все правители позднейших ойратских этнополитических объединений джунгаров и дэрбэтов [15]. Однако касательно Тайпина и Бату-Болота существуют разные версии. А.И. Чернышев отождествляет Тайпина с Угэчи-Хашигой исходя из указаний в обеих (монгольских и китайских) группах источников, что вслед за Махаму (Батула-чинсанг) умер именно Тайпин (Угэчи-Хашига) [16]. Нам же представляется, что личность Угэчи-Хашига в монгольских источниках следует отождествить с персонажами Мэн-кэ-тэ-му-эра и Гуй-ли-чи из «Мин ши». В 1403 г. третий минский император Чжу Ди (1403–1424), придя к власти, отправлял посольства с известием о своем восшествии на престол в разные страны, в том числе он прислал своего посла и к ойратам. Махмуд на некоторое время задержал посла у себя, а затем отпустил его на родину, но платить дань минскому императору, что означало бы фактическое

признание им сюзеренитета Китая, отказался. Императора Чжу Ди это не озадачило, и он еще дважды (в 1404 и 1407 гг.) отправлял к ойратским правителям своих послов с дарами [17]. Все это свидетельствует о том, что ойраты уже представляли собой довольно значительную силу на политической арене, вследствие чего императорский двор на такой ранней поре также вынужден был считаться со статусом ойратов. В конце концов, попытки минцев в деле установления дипломатических отношений завершились успешно. В октябре 1408 г. Махмуд присла ответное посольство в Пекин. На тот момент минское правительство было озабочено ростом могущества двух правителей восточных монголов — верховного хана Монголии Буньяшири и его главного сановника Аруктая, которые совершали набеги на пограничные территории династии Мин. Вследствие этого ойратским послам в Пекине были весьма рады. Мы обнаруживаем, что Махмуду был пожалован титул Шунь-нин-вана, Тайпину — Сянь-и-вана, а Батур-Болоту — Ань-лэ-вана. Здесь будет весьма уместно вспомнить слова Д.Д. Покотилова о том, что «ойратские предводители прекрасно поняли, к чему клонились все эти щедрые милости китайцев, и вполне оправдали возлагавшиеся на них надежды» [18]. Вскоре Махмуд двинул свои войска против восточных монголов и нанес поражение войскам Аруктая и хана Буньяшири, причем последний попал в плен к ойратам и был убит. Вплоть до своей смерти в 1416 или в 1417 г. Махмуд принимал самое активное участие в междоусобной борьбе монгольских правителей за власть и влияние в стране. Ойраты в этот период не только имели активные дипломатические связи с восточными монголами и Китаем, но и поддерживали связь со Средней Азией, где у власти стоял Тамерлан (1370–1405), один из влиятельных правителей того времени. В 1397 г. к Тамерлану прибыло посольство от ойратов. «Его величество — говорится в “Зафарнамэ”, — милостиво обошелся с послами, удостоил их шапок, поясов, халатов и лошадей, согласился с их просьбой и отпустил с благосклонными грамотами, царскими подарками и редкостями» [19].

Оказывали влияние ойраты и на положение дел в соседнем с ними Могулистане. В конце 40-х гг. XIV в., когда знать Могулистана в виде верхушки оторечившегося монгольского племени «дуглатов» выступила с намерением основать самостоятельное ханство, «эмир Пуладчи <...> решил найти хана <...> От калмаков (т.е. ойратов) он привез 16-летнего Тогло-Тимура (1348–1362/63 гг.), объявил его сыном Исан-Буга-хана и внуком Дува-хана», и заставил всех признать его ханом. По всей видимости, Тоглок-Тимур, бывший чингисидом-чагатаидом, жил у ойратов, союзников своих деда и прадеда [20].

Централизованная политика ойратских тайши, направленная на создание объединенного ойратско-монгольского государства под властью ойратских правителей из дома Чорос, привела к резкому ухудшению отношений с минским Китаем. Первопричиной этого были споры с правительством династии Мин по поводу торговых отношений, в которых были крайне заинтересованы монгольские и ойратские правители. Бесперебойный торговый обмен с оседлыми странами позволял кочевникам приобретать нужные им продукты земледелия и ремесленного производства, а также реализовывать продукты своего скотоводческого хозяйства. Но минская династия в Китае, вспоминая уроки прошлых столетий, всегда руководствовалась в своей торговой практике с кочевниками не экономическими выгодами, а политическими соображениями. Она не была заинтересована в усилении объединенного государства кочевников вблизи своих границ. Поэтому правительство династии Мин в отношениях с ойратами и монголами проводило политику «усмирять варваров руками варваров», умышленно разжигая вражду и натравливая ойратов на монголов и наоборот, с целью обессиливания обеих противников.

***

1. *А-ла-тан О-ци-эр*. Вэйлатэ-мэнгу цзяньши (Алтан-Очир. Краткая история ойрат-монголов.) Т. 1. Место издания, 1992. С. 17.
2. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных? // Известия государственного географического общества. Т. LXV. Вып. 1. Место, год издания. С. 171.
3. *А-ла-тан О-ци-эр*. Вэйлатэ-мэнгу цзяньши. С. 19.
4. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 127–128.
5. *Чулууны Далай*. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983. С. 174.
6. *Гомбоев Г.* Алтан Тобчи. Место, год издания. С. 156–158.
7. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 60.
8. Мин ши (история династии Мин). Шанхай, 1936. Цз. 328. (Сер. Сы-бу-бэй-яо).
9. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926. С. 576.
10. *Покотилов Д.Д.* История восточных монголов за период династии Мин (1368–1644). СПб., 1893. С. 32.
11. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. С. 149.
12. Там же. С. 138.
13. Там же. С. 138.

14. *Pelliot P.* Notes critiques d'histoire kalmouke. P., 1960. P. 60.
15. *Санчи́ров В.П.* Этнический состав ойратов XV–XVIII вв. по данным «Илэтхэл шастир» // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 11–18.
16. *Чернышев А.И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII веке. М., 1990. С. 18.
17. Dictionary of Ming biographies. Vol. II. Columbia University Press, 1976. P. 1036.
18. *Покотилов Д.* История восточных монголов за период династии Мин. С. 35.
19. Цит. по: Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. I. М., 1967. С. 65.
20. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943. С. 65.